

ОППОЗИЦИЯ «БОГАТЫЙ/БЕДНЫЙ» («RICH/POOR») В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Одной из основополагающих идей современной теории перевода является тезис о влиянии социокультурных факторов функционирования языка на коммуникацию в целом и на результат и процесс перевода как одну из разновидностей коммуникации. Независимо от того, рассматривается ли язык как единое социально-культурное образование, отражающее особенности определенного народа как носителя определенной культуры, или изучаются различные виды вариативности в языке, связанные с неоднородностью и многогранностью общественной жизни, существованием социальных, профессиональных и других различий между людьми в рамках одной и той же культуры, особенности языка, прямо или косвенно обусловленные культурой носителей языка, представляют принципиальный интерес для исследования закономерностей переводческой деятельности.

Подобные особенности могут обнаруживаться на разных уровнях языковой структуры, в правилах вербальной коммуникации, в способах описания внеязыковой реальности [3, 64]. При всей очевидности и общепризнанности положения о том, что языковые явления отражают общественную и культурную жизнь говорящего коллектива (О.Пас, Лотман и др.), конкретные методики и стратегии изучения форм и способов актуализации социокультурной специфики коллектива в языке и общественном сознании (и в коллективном бессознательном), по-видимому, нуждаются в дальнейшей разработке. Разумеется, влияние социокультурных особенностей говорящего коллектива на его сознание и язык не является исключительно односторонним процессом, а взаимоотношения между языком, (национальным) сознанием и культурной действительностью оказываются в высшей степени амбивалентными.

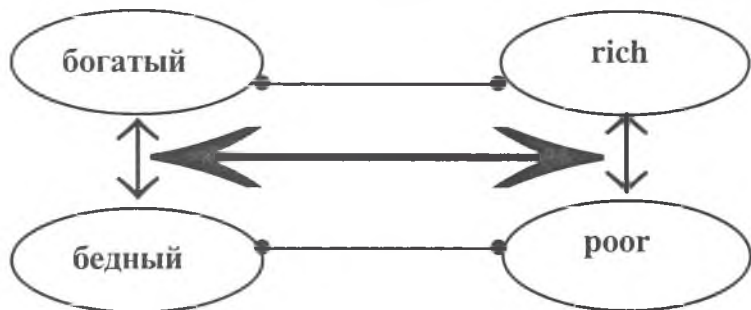
С другой стороны, справедливо и то, что культурно-бытовые и социальные формы жизни коллектива не оказывают на язык определяющее воздействие, но лишь отражаются и преломляются в языке (ср. положение Б.Л.Уорфа: «Между культурными нормами и

языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия» [6, 91], причем конкретные варианты и способы такого преломления могут носить весьма специфический характер. Б.Уорф (как и Э.Сепир) подвергает ревизии традиционное представление о механизмах «связи : между языком, культурой, и психологией» (вполне в духе пересмотра соотношения триады «действительность/сознание/язык» в постмодернистском дискурсе): «Идея взаимосвязи между языком и культурой в общепринятом смысле этого слова, несомненно, ошибочна», полемически настаивая на том, что преобладающим является не влияние культуры на язык («Я отнюдь не утверждаю, что существует прямая «корреляция» между культурой и языком и тем более между этнологическими рубриками, как, например, «сельское хозяйство», «охота» и т.д., и такими лингвистическими рубриками, как «флективный», синтаксический» или изолирующий»), но влияние языка на (социальное) поведение человека и культуру коллектива: «На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы: Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (Э.Сепир) [7, 58]; «мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» (Б.Уорф) [7, 58].

Таким образом, различия семантической и коннотативной наполненности лексических единиц в любых парах языков могут (и должны) рассматриваться не только как результат, следствие воздействия культуры и отражение неодинаковой социокультурной ситуации, но и (одновременно) как источник различий в национальной психологии, в какой-то (причем достаточно большой) степени эти несовпадения социокультурной ситуации порождающий. Иными словами, правомерным видится рассмотрение лексических единиц как амбивалентных, одновременно культурнообусловленных и культуруобуславливающих.

В этой связи особенно актуальным представляется вопрос об отражении (со всеми приведенными оговорками) в национальных языках «общечеловеческих» (или, точнее, традиционно воспринимающихся как однозначные, по крайней мере для западных цивилизаций) понятий и взаимосвязь и взаимное отношение между лексической, семантической и коннотативной детализацией этих понятий в языке и речи и социокультурными факторами.

Предметом нашего внимания является соотношение лексических средств выражения оппозиции «богатство/бедность» («richness/poverty») в английском и русском языках. При этом мы позволили себе сосредоточиться в первую очередь на сопоставлении именно названных оппозиций, но не образующих их понятий, т.е. пары «богатый - rich» и «бедный - poor» интересовали нас лишь в пределах сопоставления оппозиций:

В статье, описывающей понятие «rich», словарь Longman Language Activator приводит 26 лексических единиц, входящих в его семантическое поле [1, 1131 - 1132]. В семантике понятия выделяются 5 понятийно-смысловых рядов лексических единиц со следующими общими значениями:

- 1) «имеющий много денег, собственности» - **rich, wealthy, well off, well-to-do, well-heeled, affluent, prosperous;**
- 2) «имеющий достаточно денег, чтобы жить безбедно» **comfortable, be comfortably off, lack for nothing, not go without.**
- 3) «очень богатый» - **be loaded, stinking rich, filthy rich, be worth a fortune, be worth millions, have money to burn;**
- 4) «имеющий много денег в определенный период» - **flush, be in the money;**
- 5) «стать богатым» - **get rich, make a bundle/fortune, make good, go from rags to riches, be made for life.**

В статье, описывающей понятие poor, приводятся лишь 16 лексических единиц, составляющих 4 синонимических ряда со следующими общими значениями:

- 1) «имеющий очень мало денег, имущества» - **poor, badly off, needy, in need, impoverished, penniless, poverty-stricken, destitute, down-at-heel;**
- 2) «обозначающие людей, у которых меньше шансов в жизни по причине бедности» - **disadvantaged, underprivileged, deprived;**
- 3) «имеющий мало денег в настоящее время» - **hard up, broke, skint, be down on your luck;**

4) «стать бедным» - **fall on hard times** [1, 997-998].

Таким образом, можно говорить о принципиально большем разнообразии лексики, связанной с семантическим полем богатства, по сравнению с лексикой, относящейся к семантическому полю бедности, в английском языке [6, 73-74].

Академический словарь русского языка дает три значения существительного «богатство» (так же, как и прилагательного богатый):

- 1) обилие материальных ценностей, денег;
- 2) совокупность материальных ценностей;
- 3) обилие, множество, многообразие [5, 101].

Этот же словарь содержит 9 словарных статей, которые раскрывают значение лексических единиц, дающих в совокупности детализированное (по сравнению с понятием «богатый») представление о понятии «бедный»: беднеть, бедно, бедность, беднота, бедный, бедняк, бедняцкий, беднячка, бедовать [5, 68].

Словарь синонимов русского языка включает 4 словарных статьи, связанных с понятием богатства, с ключевыми словами богато, богатство, богатый, богач, и 6 статей, связанных с семантическим полем бедности. В этих статьях приводятся 16 лексических единиц, синонимичных слову «бедный», и лишь 5 синонимов к слову «богатый».

Таким образом, в русском языке наблюдается принципиально большая детализация и конкретизация понятия «бедность» по сравнению с понятием «богатство»; эта тенденция становится особенно очевидной, если сопоставить сравнительную степень конкретизации этих понятий в английском и русском языке (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение лексических единиц, принадлежащих к семантическим полям богатства и бедности

	Longman Language Activator		Словарь синонимов русского языка	
	синонимов	рядов	синонимов	рядов
богатый (rich)	26	5	5	4
бедный (poor)	16	4	16/	6
богатый / бедный (rich vs poor)	26:16 (162,5%)	5:4 (125%)	3:9 (33,3%)	4:6 (75%)

Таблица составлена на материале прилагательных; применительно к существительным богатство/бедность (richness/poverty) наблюдается аналогичная тенденция. При этом анализ синонимического ряда к слову «богач», объединяющего слова из различных функциональных стилей, демонстрирует явно негативную, отрицательную маркированность понятия «богатство» в русском сознании: финансовый туз, миллионер, буржуй, толстосум, богатей, плутократ, капиталист, миллионщик, денежный мешок [2, 46].

Напротив, в понятии, описываемом прилагательным «бедный», содержится сема «несчастный, возбуждающий жалость, сострадание»; аналогично второе, устаревшее значение слова «бедняк» - «несчастный человек, бедняга». Таким образом, понятие «бедность» в русском языке не только не имеет отрицательных коннотаций, но, напротив связано с идеями и эмоциями сочувствия, сострадания, сопереживания.

Аналогичные тенденции заметны при анализе фразеологических английских и русских единиц, связанных с семантикой богатства/бедности.

По данным «Толкового словаря великорусского языка» В. Даля большая часть пословиц в русском языке, в которые входят слова «богатство», «богатый», содержат отрицательную оценку: Богатство - спеси сродни. Богатство - вода, пришла и ушла. В аду не быть, богатства не нажить. Не от скудности скупость вышла, а от богатства. Чем богаче, тем скупее [3].

Число ФЕ с противоположной, положительной оценкой, невелико: Богатство ум рождает.

Во многих пословицах понятия «богатство»/«бедность» противопоставляются: Богатство - житье, бедность - вытье. Бедность плачет, богатство скачет, причем богатство не вызывает положительных ассоциаций, а бедность - неприятных, связываясь скорее с идеей сочувствия.

В английском языке количество фразеологических единиц, связанных с семантическими полями бедности и богатства, относительно невелико, причем подавляющее большинство таких единиц составляют фразеологические сравнения, имеющие интернациональный характер: As poor as a church mouse; As poor as Job; As rich as Croesus.

Особый интерес представляют фразеологические единицы в английском и русском языках, основанные на одном и том же механизме метафорического переноса и использующих схожие ассоциатив-

ные связи. Так, английское идиоматическое выражение «money doesn't grow on trees» не обладает сколько-нибудь выраженной стилистической маркированностью, в отличие от русской идиомы «у меня деньги на заднице не растут», где стилистически маркированная лексическая единица, принадлежащая к образной сфере материально-телесного низа (термин М.М.Бахтина), явственно указывает на неприязненное отношение к самой идее богатства, свойственное русскому сознанию.

Литература

1. Longman Language Activator. Longman, 1994.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1986.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2000.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. Т.1. М., 1981.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
7. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. Т.1. М., 1999.